

УДК 1(091) : 347

Идеи гуманизма, справедливости и жертвенности в правозащитной деятельности русских адвокатов XIX века

А.Н. Яшин

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье автор делает обзор основных идей русской правозащиты второй половины XIX века. Осуществляя правозащитную деятельность на основе идей гуманизма, справедливости и жертвенности, русские адвокаты одухотворяли российское правосудие, формировали основы нового общественного правосознания, содействовали продвижению России по пути к правовому государству.

Abstract. The paper considers the basic ideas of the Russian remedial activity of the second half of the XIX century. Working on basis of humanism, equity and sacrifice the Russian lawyers spiritualized Russian justice, created foundation of new social consciousness, contributed to formation of jural state in Russia.

1. Введение

Корифеи русской адвокатуры XIX века, несмотря на выдающиеся достижения в профессиональной деятельности и заслуги в юриспруденции, в памяти благодарных потомков останутся, прежде всего, как истинные граждане своего Отечества, утвердившие идеи гуманизма и справедливости в русском судопроизводстве. Впервые за многовековую российскую историю в судебных речах В.Д. Спасовича, Ф.Н. Плевако, К.К. Арсеньева, С.А. Андреевского, А.И. Урусова звучат голоса в защиту не преступника, не обезличенного подсудимого, а человека, волею судьбы совершившего (или не совершавшего) правонарушение. Благодаря адвокатам "первого призыва" одним из принципов российского правосудия становится принцип гуманизма. Принцип гуманизма – это основополагающее начало, идея, закрепленная в законодательстве, заключающаяся в человеческом, милосердном, уважительном отношении к субъектам юридической ответственности при ее установлении и применении. Уже в 1863 году, в то время, когда не была еще восстановлена кафедры чистой философии Петербургского университета, В.Д. Спасовичем в учебнике по уголовному праву были изложены и разобраны с необыкновенной ясностью, вразумительностью и блеском идеи гуманизма эпохи Просвещения, философские учения Канта, Фихте, Гегеля.

Представления о справедливости являлись для русских адвокатов XIX века тем общим ценностным знаменателем, который позволял выносить суждения об оправданности существования социально-политических структур, в пределах которых осуществлялось правосудие и протекала жизнь каждого из подданных Российской Империи.

2. Гуманизм как принцип деятельности русских адвокатов

Несомненно, идеи гуманизма родились и расцвели в эпоху европейского Возрождения (XIV-XVI вв.). Однако, несомненно и то, что стихийный, а иногда и сознательный гуманизм, гуманизм не как учение или теория, а как внутреннее отношение человека к самому себе, естественное стремление человека осмыслить человечность и бесчеловечность, – реальный факт человеческой истории с ее начала и до наших дней, так что можно говорить даже об античном гуманизме. Известно, что одним из основных этических понятий в античной философии выступает понятие "добродетель". Через исследование добродетели, анализ содержания добродетелей и понятий, равнозначных им, их роли и места в системе отношений "человек – природа", "человек – общество", "человек – человек" можно установить существенные признаки гуманизма. Среди черт, характеризующих отношения между людьми, в наибольшей степени отвечающих гуманистическому характеру межличностных отношений, оказались сострадание, отзывчивость, уважение, толерантность, человеколюбие, милосердие, справедливость.

Поскольку гуманизм многообразно выражен в литературе, поэзии, живописи, науке, музыке, философии, то вполне закономерно, что вся профессиональная, творческая и общественная деятельность лучших адвокатов XIX века пронизана идеями гуманизма – многие из них были выдающимися писателями, публицистами, поэтами, музыкантами, деятелями культуры. Так, современники В.Д. Спасовича, писавшие о нем, неизменно отмечали разносторонность его дарований. В его лице гармонично сочетались талантливый адвокат, большой ученый, писатель, журналист и общественный деятель. Выдающиеся русские литераторы читали труды и речи В.Д. Спасовича, довольно часто и по разным поводам упоминали его имя.

Идеи гуманизма "оттачивались" В.Д. Спасовичем в "шекспировском кружке", образовавшемся в 1875 г. в Петербурге. Члены кружка собирались три раза в месяц, читали и обсуждали рефераты о

гуманизме, справедливости, правде и лжи, добре и зле в шекспировских произведениях. Кроме В.Д. Спасовича, в кружок входили адвокаты С.А. Андреевский, К.К. Арсеньев, А.И. Урусов, а также А.Ф. Кони. "Шекспировский кружок" просуществовал до конца 90-х годов. По отзыву С.А. Андреевского, "очерки Спасовича, относящиеся к великому расцвету романтизма, превосходны. Гете, Шиллер, Байрон (которого он связывает с учением Руссо), Пушкин, Лермонтов – все эти характеристики проникнуты глубинною мыслию и новизной освещения" (Андреевский, 1916).

Идеями гуманизма насыщены философско-правовые статьи адвоката К.К. Арсеньева: "Суд и административная расправа", "Программа русских либералов", "Суд присяжных и рабочий вопрос", "Смертная казнь". В каждой из статей он по-разному проводит мысль о беззащитности простого человека, попавшего в "тиски" государственно-бюрократической машины, отстаивает идею защиты законных прав и интересов личности, призывает власть видеть в каждом из своих подданных человека. Увлекательны, содержательны и с глубоким уважением к творческим личностям написаны К.К. Арсеньевым литературоведческие этюды о Салтыкове-Щедрине, Некрасове, Майкове, Плещееве, Короленко и о многих других русских писателях и поэтах. Его заслуги в области литературы и литературоведения получили высокое признание – в 1901 году Арсеньев был избран почетным академиком по разряду изящной словесности Академии наук. Величайшей научной заслугой Арсеньева следует признать его огромный труд по редактированию Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Этот словарь и сейчас пользуется большой популярностью. В 1889 г. Арсеньев становится председателем литературного фонда; с 1908 по 1916 год – редактор журнала "Вестник Европы".

А.Ф. Кони высоко оценивал адвокатскую деятельность К.К. Арсеньева. Особо подчеркивал глубокое благородство и чистоту приемов, которыми пользовался Константин Константинович, безусловное стремление к поиску и разъяснению истины в деле. Полное спокойное достоинства отношение к подсудимому, суду, к свидетелям и экспертам во время судебного заседания сменялось у него сдержанным воодушевлением во время судебных прений. Сам же Арсеньев отмечал по этому поводу, что "в защитительной речи, как и на протяжении всего судопроизводства, адвокат должен проявить внимательное, бережное и уважительное отношение к своему подзащитному" (Кони, 1956).

Вдумчиво и глубоко анализировал людские несчастья, нередко приводящие на скамью подсудимых, отзывчиво относился к своим клиентам, к их душевным переживаниям С.А. Андреевский. В среде коллег он сразу же занял особое место. В своих речах он мало касался обычного материала судебного следствия; главным объектом его выступлений была личность подсудимого, его жизнь, окружающие его условия. Защитник как бы просил судей не выносить решения только на основании доказанности поступка подсудимого, призывал заглянуть в его душу, разобраться в том, что толкнуло его на преступление. Поставив себе задачей осуществление афоризма *tout comprendre – tout pardonner* (все понять – все простить (фр.)), он занял среди защитников особое место, отмежевывая от области строгой логики и анализа юридических понятий область чувства (Кони, 1956). Чувствительность адвоката никого из его коллег не удивляла, т.к. С.А. Андреевский был поэтом, писателем, литературоведом и литературным критиком. И.С. Тургенев еще в 1878 году отметил его "несомненный талант поэта", а К.С. Станиславский в письме к С.А. Андреевскому в 1908 году выразился даже таким образом: "Я ценю Вас как художника и критика выше всех". В течение многих лет широкой популярностью пользовалась книга С.А. Андреевского "Литературные очерки" – о поэзии Баратынского, романе Достоевского "Братья Карамазовы", творчестве Грибоедова, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Л. Толстого, Гаршина, Чехова, Мопассана.

С.А. Андреевский часто изображал своих подзащитных такими, какими хотел бы их видеть. Описывая душевное состояние и те муки, которые предшествовали совершению преступления, адвокат ставил вопрос о прощении вины подсудимому. Призывая быть милосердным к человеку, нередко глубоко несчастному, адвокат исполнял свою высокую обязанность в духе афоризма: "Кто только справедлив – тот жесток" (Кони, 1912). Точно такой же позиции придерживался и В.Д. Спасович. Он всегда стремился подчеркнуть нравственные достоинства своих подзащитных. При этом ему нисколько не приходилось грешить против истины. Он говорил, что необходимо смотреть на подсудимых не только как на нарушителей закона, но и со стороны нравственной – "конечно, не с точки зрения нравственности департамента государственной полиции, а нравственности общечеловеческой" (Кони, 1912).

С.А. Андреевский требовал от своих коллег и оппонентов гуманного отношения не только к подзащитным, но и к каждому из коллегии присяжных заседателей. Поскольку многие из них в результате реформы были призваны "от сохи" или "с улицы", им приходилось терпеть насмешки противников суда присяжных. В связи с этим, в одной из своих речей, защищая "уличных" присяжных заседателей, С.А. Андреевский убедительно обосновал свою позицию: "Еще недавно один публицист дерзнул назвать суд присяжных «улицей». Но, вопреки намерениям автора, я вижу в этом слове не унижение или поругание суда присяжных, а такую характеристику его, в которой метко соединены едва ли не самые дорогие черты

этого суда. И, правда: пусть вы – улица! Мы этому рады. На улице свежий воздух; мы бываем там все, без различия, именитые и ничтожные; там мы все равны, потому что на глазах народа чувствуем свою безопасность; перед улицей никто не позволит себе бесстыдства – вспомним похороны: когда вы по улице провожаете близкого покойника, незнакомые люди снимут шапку и перекрестятся... На улице помогут заболевшему, подадут милостыню нищему, остановят обидчика, задержат бегущего вора! Когда у вас в доме беда – грабеж, убийство, пожар, – куда вы бежите за помощью? На улицу. Потому что там всегда найдутся люди, готовые служить началам общечеловеческой справедливости. Вносите к нам, в наши суды, эти начала... Приходите судить с улицы, потому что сам законодатель пожелал брать своих судей именно оттуда, а не из кабинетов и салонов..." (*Андреевский*, 1916).

Разнообразными талантами и необычайной широтой интересов отличался адвокат Д.В. Стасов. Высокообразованный правовед, ревнитель народного просвещения, публицист, большой знаток литературы, музыки, живописи, скульптуры, сам хороший пианист, он был видным общественным (музыкальным, в частности) деятелем с авторитетом и связями как в России, так и в Европе. Его друзьями были классики национальной и мировой культуры – Глинка и Мусоргский, Репин и Верещагин, Берлиоз и Шуман. Он – один из учредителей и автор устава первой в России Петербургской консерватории. Петербург 1860–70-х годов не знал такого общественного начинания, в котором Д.В. Стасов ни принял бы участия. Вся его адвокатская, творческая и общественная деятельность наполнена идеями гуманизма, патриотизма и свободы творчества.

Личность адвоката Н.П. Карабчевского также импонирует, прежде всего, разносторонностью интересов и дарований. Даже современным ценителям он "кажется почти невероятно многогранным" (*Михайловская*, 1981). Творческое наследие Карабчевского включает в себя стихи, художественную прозу и критику, переводы, судебные очерки и речи, публицистику, мемуары. Поклонник и знаток искусства, Карабчевский дружил с Варламовым и Собиновым, Комиссаржевской и Книппер-Чеховой. В его домашнем театре по субботам собирались для репетиций и благотворительных спектаклей знаменитости Петербурга, ставил новаторские спектакли Мейерхольд. Все это помогало и карьере, и репутации Карабчевского, но по натуре и призванию он был юрист, судебный оратор, "адвокат от пяток до маковки" (*Ляховецкий*, 1897). Карабчевский сформулировал свою нравственную задачу так: "Одно себе поставил задачей и никогда этому не изменял: раз судьба сделала из меня юриста-адвоката и при том по преимуществу уголовного защитника, – никогда не отступать перед трудностью выпадающей задачи и помнить только одно, что у меня за спиной стоит живой человек. Я забывал о себе и о своих личных интересах и перевоплощался в союзника клиента, чаще всего обвиняемого; я переживал с ним его муки и думы и сомнениями от того, быть может, моя речь доходила до человеческой души" (*Карабчевский*, 1908).

Не довольствовались только судебным поприщем и оставили свой след в русской поэзии адвокаты А.Л. Боровиковский, А.А. Ольхин, А.И. Языков. Все это помогало адвокатуре утвердиться в национальном сознании как институту не только разумному и полезному, но и привлекательному, гуманному, обрести доверие и симпатии разных слоев общества.

История отечественной адвокатуры должным образом еще не отметила факт, который украшает ее: 16 июля 1866 г. на заседании военно-полевого суда по делу рядового Василия Шабунина, оскорбившего действием офицера, выступил как защитник – единственный раз в своей жизни – Лев Толстой. Его защитительная речь была не только строго юридической, но и достаточно эмоциональной (сам Лев Николаевич расплакался в конце ее), однако суд не внял ни доводам, ни чувствам защитника – солдат был расстрелян. Почти полвека спустя Толстой вспоминал: "Случай этот имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неудачи в литературе, даже потеря близких людей". Таким образом, несмотря на то, что Толстой, мягко говоря, нелестно отзывался о корпорации присяжных поверенных, он своим поступком посодействовал утверждению идеи гуманизма в правозащитной деятельности.

3. Правосудие есть справедливость

Идея гуманизма в правозащите неразрывно связана с идеей справедливости при осуществлении правосудия. И гуманизм, и справедливость являются нравственно-юридическими категориями. Само понятие "юстиция" по-латыни означает справедливость (*justitia*), поэтому справедливость можно считать синонимом правосудия.

Философы разных эпох и разных направлений едины в признании справедливости главным элементом, определяющим гуманистическое мировоззрение человека. Аристотель впервые разделил справедливость на уравнительную (справедливость равенства) и распределительную (справедливость пропорциональности); у Эпикура справедливость – это договор о том, чтобы не вредить и не терпеть вреда; справедливость по Т. Гоббсу – это подчинение законам; как равноправие между людьми рассматривают справедливость А. Смит, К.А. Гельвеций, П.А. Кропоткин, П.Ж. Прудон, Г. Спенсер; по

Иерингу, справедливость должна основываться как на интересах всего общества в целом, так и отдельно взятой личности.

Понятие справедливости появилось значительно раньше, чем понятия "законность" и "виновность". На Руси было принято решать споры, разбираться "по совести", что, зачастую, было гораздо важнее, чем по закону. Русское понимание справедливости точно отобразил И.А. Ильин: "Справедливость есть совестное доброжелательство. Справедливость есть всенародное братство. Справедливость есть живое и чуткое правосознание, которое готово поступиться своим и отстаивать чужое" (Ильин, 1994).

Отстаивая идею справедливости при осуществлении правосудия, русские адвокаты исходили из здравого понимания того факта, что незаконное решение суда в принципе нельзя признавать справедливым. В.Д. Спасович неоднократно в своих выступлениях, научных работах подчеркивал, что судебное решение только тогда справедливо, если оно принимается на основе действующего законодательства. Подменять законы чувствами, эмоциями, целесообразностью – это путь к разрушению правовых основ любого государства. По делу в защиту Кострубо-Карицкого Ф.Н. Плевако, завершая защитительную речь, обратился к присяжным заседателям: "Я буду ждать вашего приговора с полным убеждением, что совесть, управляемая разумом и опытом жизни, познает истину. Не поддавайтесь влиянию первых впечатлений: суд по инстинкту не может быть справедлив. Страстности было много в этом деле. Но – где страсти, увлечения, там истина скрыта... Будьте судьями разума и совести!" (Плевако, 1909).

Председатель Петербургского окружного суда А.Ф. Кони, адвокаты Ф.Н. Плевако, С.А. Андреевский, К.К. Арсеньев, А.И. Урусов и другие своим высочайшим профессионализмом, приверженностью идеям гуманизма, сострадания доказали, что добиваться справедливого судебного решения можно в условиях существовавшей судебной власти, политического и общественного давления. Каждый из них использовал разные приемы и методы правозащиты и правоприменения, добиваясь справедливого приговора или решения, но ни один из них не нарушил закон.

Не следует расценивать как нарушение закона защитительную речь Ф.Н. Плевако, являющую собой пример воздействия защитника на присяжных, справедливо оправдывающих людей, вина которых установлена. Старушка украла жестяной чайник стоимостью менее 50 копеек. Прокурор, настаивая на обвинительном приговоре, аргументирует: собственность священна, все гражданское благоустройство держится на собственности, и, если позволить людям посягать на нее, страна погибнет. В ответ Ф.Н. Плевако сказал: "Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник ценою в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет, безвозвратно" (Плевако, 1909). И суд оправдал старушку. Возобладала справедливость, поскольку и в XIX в., и в современной концепции правосудия не допускается формальное толкование закона. В данном случае неуместно ссылаться на классику римского права "dura lex, sed lex" – "закон суров, но это закон" (лат.). Российская идея справедливости правосудия предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности лица, хотя и совершившего деяние, содержащее все элементы состава преступления, но являющееся малозначительным и не представляющее общественной опасности (именно такими мотивами руководствовались присяжные, оправдывая старушку).

Ответственность справедлива, если она гуманна, законна, а главное – персонифицирована. По делу о массовых беспорядках на Коншинской мануфактуре Ф.Н. Плевако произносил заключительное слово солидарной защиты нескольких десятков привлеченных к суду рабочих. После обличительной речи прокурора, призывавшего осудить без исключения всех в "озверевшей толпе", Плевако обратил внимание суда на индивидуализацию ответственности. Шел 1897 год. Социальные психологи только приступили к научному изучению группового поведения. С той поры сотни работ посвящены осмыслению психологии революций, погромов и бунтов. Но вряд ли кому-либо, кроме Ф.Н. Плевако, удалось всего в нескольких фразах с такой силой и образностью схватить суть феномена толпы, соотношения личности и массы. "Толпа – стихия, ничего общего не имеющая с отдельными лицами, в нее вошедшими. Толпа – здание, лица – кирпичи. Из одних и тех же кирпичей создаются и храм Богу, и тюрьма – жилище отверженных. Пред первым вы склоняете колени, от второй бежите с ужасом. Но разружьте тюрьму, и кирпичи, оставшиеся целыми от разрушения, могут пойти на храмоздательство, не отражая отталкивающих черт их прошлого назначения... Как ни тяжело, но с толпой мыслимо одно правосудие – воздействие силой, пока она не рассеется... Толпа сама чудовище. Она не говорит и не плачет, а галдит и мычит. Она страшна, даже когда одушевлена добром. Она задавит, не останавливаясь, идет ли разрушать, или спешит встретить святыню народного почитания. Так живое страшилище, спасая, внушит страх, когда оно, по-своему нежничая, звуками и движениями связывает к себе своих детенышей. Быть в толпе еще не значит быть носителем ее инстинктов. Толпа заражает, лица, в нее входящие, заражаются. Бить их – все равно, что бороться с

эпидемией, бичуя больных. Помня, что проступки совершены толпою, мы и здесь мало говорим об отдельных лицах, а все сказуемые, наиболее хлестко вырисовывающие буйство и движения массы, приписываем толпе, скопищу, а не отдельным лицам. А судим отдельных лиц: толпа, как толпа, – ушла. Подумайте над этим явлением" (Плевако, 1909).

К сожалению, некоторые адвокаты, уступавшие в профессионализме корифеям правозащиты, "цеплялись" за справедливость и пытались компенсировать свои "скромные" возможности, облекая свою позицию в безупречный силлогизм: например, у подсудимого шестеро малолетних детей, если мы осудим отца, его детям придется помирать с голоду; но дети должны жить, следовательно, мы не можем осудить виновного. Такая позиция не имеет ничего общего со справедливостью. Грамотный и честный адвокат должен знать, что уголовная ответственность не зависит от семейного положения виновного, и человек, совершивший преступление, должен быть наказан, хотя бы его жена и дети помирились с голоду; о них должны позаботиться другие, прежде всего, государство и попечительские организации, а судьи и присяжные должны сделать свое дело – вынести справедливое правовое решение. Несомненно и то, что эксплуатация этого чувства есть недостойный прием защиты. Адвокат, уважающий правосудие, найдет другие средства и способы защиты – законные, нравственно оправданные и не менее эффективные.

4. Жертвенность – необходимая презумпция истинной правозащиты

Русская правозащита XIX века, не уступая в профессионализме западным адвокатам, кроме того, воплощала в себе идею жертвенности. Альтруизм, жертвенность отдельных людей – залог выживания и развития всего общества. Символом и примером такого жертвования себя миру и другим людям выступает Иисус Христос и его мучительная смерть на Голгофе. Жертвенность есть необходимая презумпция правозащитной деятельности, адвокатуры как института гражданского общества. Настоящий, а не конъюнктурный адвокат всегда приносит себя в жертву правозащите, тому, кого защищает, кладя на алтарь правозащиты свои знания и нервную энергию. Тяжесть нравственного выбора адвоката при защите не подлежит компенсации гонораром. Любой выбор означает жертвоприношение.

Делая нравственный выбор, русские адвокаты, как ни в какой другой стране, часто защищали своих доверителей бесплатно. Более того, Ф.Н. Плевако, выступая защитником нескольких десятков крестьян села Люторичи, не только не взял с них денег, но и сам оплатил все судебные расходы многодневного процесса. Также В.Д. Спасович, С.А. Андреевский, К.К. Арсеньев, А.И. Урусов неоднократно бесплатно защищали неимущих. Для них главной задачей было добиться гуманного отношения к виновному, невзирая на его чины и социальное положение. О нравственном авторитете Ф.Н. Плевако свидетельствует и такой факт: к Толстому часто обращались крестьяне с различными просьбами. И в тех случаях, когда речь шла о судебных делах, Толстой направлял мужиков к Плевако с напутствием: "Иди к Плевако, он все может".

В защите по политическим делам адвокаты считали своим долгом отказываться от гонорара, даже если их клиенты или родственники клиентов предлагали им таковой (Корил, 1913). Отстаивая интересы своих подзащитных, многие адвокаты, в том числе В.Д. Спасович, Н.Ф. Плевако, сами становились объектом политического преследования, находились под негласным полицейским надзором, а А.И. Урусов (князь!) даже подвергся высылке из Москвы. Тем не менее, никто из них не поступился нравственными и профессиональными принципами: продолжали участвовать в защите "неблагонадежных".

Вообще, по наблюдению одного из корифеев "молодой адвокатуры" в России О.О. Грузенберга, "никакая другая профессия, даже врачебная, не знала такого громадного процента бесплатной помощи: защиты по назначению от суда, постоянные юридические консультации (кабинеты по оказанию юридической помощи беднейшей части населения), бесплатные советы у себя на дому, требовавшие нередко большого напряжения сил. Затем работа в качестве руководителей в юридических конференциях помощников присяжных поверенных" (Грузенберг, 1938). Кстати, в США только в 1938 г. Верховный суд дал указание федеральным судам назначать защитника обвиняемому, если тот неимущий.

Кроме того, не все адвокаты поклонялись гонорару. Например, знаменитый П.А. Александров был совершенным бесребреником и вообще не умел "рвать куши". "Возьмешь много, – отшучивался он, – только забота, все о деле думаешь да думаешь! То ли дело, когда гонорар маленький, взял, истратил и забыл..." (Карабчевский, 1908). Он так и не скопил достаточного капитала и умер в славе, но в бедности, оставив семью почти без средств. Отслужив 40 лет во славу адвокатуры и тоже не оставив после себя никаких средств, умер и А.Н. Турчанинов.

Многие присяжные поверенные оказывали помощь не только как адвокаты. В справке по Министерству юстиции от 24 февраля 1875 года сообщалось: "Некоторые из адвокатов, несмотря на обширные свои занятия, находят, однако, время принимать у себя учащуюся молодежь, помогают ей советами и даже деньгами, платят за право слушания лекций. К числу таких "гуманных", по выражению

студентов, присяжных поверенных причисляют гг. Утина, Спасовича, Герарда, Люстига, Потехина, Ольхина и Павлинова" (Андреевский, 2000).

Подлинная жертвенность предполагает пассионарность адвоката, его готовность поступиться личными интересами ради своего служения. Русский юрист П.Н. Обнинский в статье "Откуда идет деморализация нашей адвокатуры?", написанной в 1914 г., упрекает своих коллег в том, что они, спустя 50 лет после судебной реформы, забыли о жертвенности, пассионарности, чувстве чести и долга, понятии порядочности, границах дозволенного и недозволенного, принципах общественного служения и тем самым поставили адвокатуру в унижительное и горькое положение (Обнинский, 1914). К моменту написания им статьи судебной реформе в России исполнилось всего 50 лет, однако за это время эйфория от введения суда присяжных и состязательных начал в процессе сменилась разочарованием и горечью. Возросло количество явно неправосудных вердиктов присяжных, а часть адвокатского сословия, по словам современников-юристов, бесповоротно деградировала.

За первым поколением адвокатуры, выдвинувшим ряд блистательных ораторов, снискавших славу в громких уголовных процессах (В.Д. Спасович, Ф.Н. Плевако, К.К. Арсеньев, С.А. Андреевский, А.И. Урусов, Н.П. Карабчевский, Д.В. Стасов и др.) последовало второе – с той разницей, что у нового поколения нравственные идеалы растерялись, а желание достичь тех же результатов, особенно материальных, укрепилось. Разлагающее влияние в адвокатуру вносили и богатые клиенты, не жалевшие денег на свое обеление; для них важнее была обстановка квартиры адвоката и наличие у него швейцара, нежели честность, знания и опытность правозащитника. Эти, по меткому выражению П.Н. Обнинского, "чумазые клиенты" как огня боялись честных адвокатов – тех, которые "не порвали своей родственной связи с наукой и литературой... которые не продали своего таланта,... которые... путем самообразования и трудолюбия заручились хорошим запасом общих и профессиональных знаний и выработали в себе способность материального самоограничения, которые одинаково служили и богатым, и бедным" (Обнинский, 1914).

5. Заключение

Русские адвокаты XIX века, вопреки многочисленным пессимистам, сумели доказать, что в России реально осуществлять правосудие, руководствуясь идеями гуманизма и справедливости. Эти идеи несут в себе объединительную функцию. Например, прокурор, а затем председатель Петербургского окружного суда А.Ф. Кони был единомышленником адвокатов В.Д. Спасовича, Ф.Н. Плевако, А.И. Урусова и многих других в вопросах правового толкования и правоприменения, в отстаивании справедливых и гуманных методов судопроизводства. Поскольку пореформенный суд был открытым и гласным, идеи гуманизма и справедливости из зала судебного заседания проникали в общество, пока еще не столь свободное, как суды и корпорация присяжных поверенных. Выдающиеся адвокаты, таким образом, внесли неоценимый вклад в гуманизацию российского общества.

На рубеже XIX-XX веков обозначилась проблема адвокатского сословия не ввиду иного уровня профессионализма юристов, а по причине забвения идей гуманизма, справедливости и жертвенности в правозащите, присущих адвокатам "первого призыва", или "старой гвардии". В деятельности адвокатов начала XX века стало меньше "благородного безумства и романтизма" корифеев адвокатуры XIX века – другое время (предреволюционное), другие задачи. Но идеи гуманизма, справедливости и жертвенности русской правозащиты второй половины XIX века выжили, пройдя через все страдания России двадцатого столетия; они живут и сейчас в душах и сердцах подлинных адвокатов-правозащитников XXI века.

Литература

- Андреевский С.А. Драмы жизни. Защитительные речи. Пг., Изд-во юрид. магазина Н.К. Мартынова, с.67, 609, 616, 1916.
- Андреевский С.А. Избранные труды и речи. Тула, Автограф, с.129, 2000.
- Грузенберг О.О. Вчера. Воспоминания. Париж, Суар, с.42, 1938.
- Ильин И.А. Путь к очевидности. В 3 т. М., Мысль, т.3, с.239, 1994.
- Карабчевский Н.П. Около правосудия. СПб., Тип. М.М. Стасюлевича, с.160, 324, 1908.
- Кони А.Ф. На жизненном пути. СПб., Изд-во Д.Е. Жуковского, с.34, 1912.
- Кони А.Ф. Избранные произведения. Статьи и заметки. Судебные речи. М., Правда, 175 с., 1956.
- Корил Е.В. Брызги памяти. Исторический вестник, № 6, с.87, 1913.
- Ляховецкий Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. СПб., тип. М.М. Стасюлевича, с.70, 1897.
- Михайловская Н.Г. Искусство судебного оратора. М., Молодая гвардия, с.13, 1981.
- Обнинский П.Н. Откуда идет деморализация нашей адвокатуры. Вестник права, № 19, с.589, 590, 1914.
- Плевако Ф.Н. Речи. М., Русская мысль, т.1, с.88, 104, 105, 1909.